

RUSSIA AND THE EAST: HISTORICO-POLITICAL CONTRADICTIONS AND CULTURAL INTERACTION

DOI 10.15826/qr.2022.4.726

УДК 316.653 + 323.1(5-11) + 323.1(510) + 323.1(519.3) + 323.1(520) +
+ 323.1(519.3) + 323.1(519.5)

Представления о странах Востока в Тихоокеанской России: парадоксы общественного сознания*

Виктор Ларин

Лилия Ларина

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН,
Владивосток, Россия

The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion

Viktor Larin

Liliia Larina

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples
of the Far East of the Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia

This article examines the research results of the Public Opinion Research Laboratory of the Institute of History of the RAS obtained during field studies of 2010–2021. The authors analyse the key elements of the views of the Far Eastern Federal District residents on the countries of East Asia – China, Japan, North, and South Korea. Also, the authors focus on such basic elements of these notions as historical memory, people's economic and humanitarian needs, and external threats to regional and national security. It is established that historical memory works selectively. Regarding China,

* *Citation:* Larin, V., Larina, L. (2022). The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1241–1257. DOI 10.15826/qr.2022.4.726.

Цитирование: Larin V., Larina L. The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1241–1257. DOI 10.15826/qr.2022.4.726 / Ларин В., Ларина Л. Представления о странах Востока в Тихоокеанской России: парадоксы общественного сознания // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1241–1257. DOI 10.15826/qr.2022.4.726.

it supports the uncertain feelings of Pacific Russians in the finality of resolving the border issue between the two countries, while Japanese territorial claims are primarily perceived through the prism of modern politics. However, neither one nor the other prevents the inhabitants' interest in the history and culture of the neighboring states, focusing their economic interests on interaction, first of all, with these three countries. It is China, Japan, and South Korea that they consistently view as major economic partners of Pacific Russia. The authors estimate that the high level of development of these countries' economies along with the uniqueness and attractiveness of authentic cultures, as well as positive assessments of the current state and prospects of bilateral relations *en masse* have become the forces of attraction that encourage the Far Easterners to have a fellow feeling for them. At the same time, the countries of the Korean peninsula receive much less attention in Pacific Russia, and their images are mostly neutral and vague. The authors also note that the stereotypes that were rooted in the minds of Russians more than a century ago (the refined culture of Japan and the poor, uncultured China) place these two countries on different levels in the rating of their sympathies: Japan was a stable and undisputed leader, while China, despite noticeable rising popularity in recent years, along with South Korea remained in the middle. Finally, they conclude that a large proportion of the residents of the region, although not trusting their Asian neighbours too much, are not only interested in an economic interaction with the surrounding Asian world but are also psychologically committed to it.

Keywords: public opinion, Pacific Russia, China, Japan, North Korea, South Korea

На основе результатов полевых исследований Лаборатории изучения общественного мнения Института истории ДВО РАН за 2010–2021 гг. анализируются ключевые элементы представлений жителей Дальневосточного федерального округа о близких к ним странах Востока – Китае, Японии, Северной и Южной Корее. Авторы рассматривают базовые элементы этих представлений: это историческая память, экономические интересы и гуманитарные потребности людей, угрозы безопасности территории их проживания и Российскому государству. Удалось установить, что историческая память работает избирательно: если в отношении Китая она поддерживает неуверенность жителей Тихоокеанской России в окончательном разрешении пограничного вопроса между двумя странами, то территориальные претензии Японии воспринимаются преимущественно через призму современной политики. Однако это не мешает жителям региона интересоваться историей и культурой соседних государств, настраиваться на экономическое взаимодействие с ними: именно Китай, Японию и Южную Корею они стабильно рассматривают как главных экономических партнеров Тихоокеанской России. Высокий уровень развития экономики наряду с уникальностью и привлекательностью аутентичных культур, а также позитивными оценками состояния и перспектив двусторонних отношений являются теми сила-

ми притяжения, которые побуждают дальневосточников отдавать свои симпатии странам Востока. При этом страны Корейского полуострова пользуются существенно меньшим вниманием дальневосточников, а поэтому их образы преимущественно нейтральны и размыты. Авторы отмечают, что столетие назад укоренившиеся в сознании россиян стереотипы (изысканная культура Японии и бедный малокультурный Китай) разводят эти две страны по разным «этажам» в рейтинге симпатий дальневосточников: Япония является стабильным и безусловным лидером, в то время как Китай, несмотря на заметный рост популярности в последние годы, вместе с Южной Кореей отстает в рейтингах. Авторы приходят к выводу, что значительная часть жителей региона, не слишком доверяя своим азиатским соседям, все же оказывается заинтересована в экономическом взаимодействии с азиатским миром и психологически настроена на него.

Ключевые слова: общественное мнение, Тихоокеанская Россия, Китай, Япония, Северная Корея, Южная Корея

Для Тихоокеанской России – обширного пространства Евразийского континента от озера Байкал до Камчатки и от Северного Ледовитого океана до границ Китая и КНДР – Восток в его географическом и цивилизационном смысле – это прежде всего четыре страны конфуцианско-буддийского культурного ареала: Китай, Япония, Северная и Южная Корея. Исторически входя в сферу влияния этого ареала, его ныне российская часть веками являлась зоной спонтанных миграций, межэтнических, межцивилизационных и культурных контактов. В начале нынешнего тысячелетия, когда роль Востока в мире стала стремительно возрастать, а Россия предприняла попытку более органично встроить собственные восточные владения в структуру новой государственности и использовать их для упрочения своих позиций в Тихоокеанской Азии, логично было бы рассматривать этот регион не только как плацдарм экономической интеграции России в АТР, но и в еще большей степени как готовую платформу ее культурного взаимодействия с регионом.

Но готово ли население Тихоокеанской России к такому взаимодействию психологически? На какие страны ориентирована Россия? Какие факторы способствуют и какие мешают ее взаимодействию с соседями? Ответы на ряд вопросов может дать изучение внешнеполитического менталитета¹ жителей региона, проводимое методами социологических опросов.

¹ Во введенном в оборот С. Чугровым понятии «внешнеполитический менталитет» мы хотели бы подчеркнуть такое его свойство, как «особое политическое мировосприятие, основанное на *долгожизнущих* (выделено нами – В. Л., Л. Л.), устойчивых самоидентификациях по отношению к иным социокультурным и национально-этническим группам» [Чугров, 2007, с. 56].

Традиционно общественное мнение и сформированные в нем мироощущения, образы государств и народов рассматриваются и оцениваются как один из инструментов внешнего влияния [Jervis, p. 16–31; Киселев, Смирнова] или как «ценный резерв» внешней политики государства [Бруссе, p. 362]. О прямом влиянии регионального общественного мнения на формирование внешней политики России говорить, как минимум, опрометчиво. Представления местных социумов о соседних странах и народах сказываются на качестве кроссграничных и межрегиональных международных связей. Соответственно, оценка характера этих представлений, степени их устойчивости и изменчивости, зависимости от идеологической и политической конъюнктуры, информационной среды и повседневных интересов участников международного взаимодействия способствует пониманию того, как это взаимодействие формируется, развивается и каким будет его будущее.

Культурные, языковые, политические и иные барьеры, которые существуют между славянским населением Тихоокеанской России и его азиатским окружением, объективно препятствуют созданию у него объемных, детально прописанных образов соседних государств. Скорее мы фиксируем какие-то общие, упрощенные представления, сотканые из отдельных, не всегда связанных друг с другом картинок и сюжетов, в создании которых поучаствовали разные компоненты человеческого сознания.

Первый из них – историческая память. Исторический фундамент представлений дальневосточников о Китае, Японии и Корее уходит не на такую большую глубину – всего на полтора столетия, но богат разнообразными событиями. Российский и советский Дальний Восток, даже пребывая за «железным занавесом», был связан с азиатским миром разнообразными экономическими, политическими и гуманитарными нитями.

Второй – экономические и гуманитарные интересы и потребности. «Челночный бизнес» 1990-х, более известный в его китайской интерпретации, но также весьма активный на других азиатских направлениях, наполнял дальневосточные рынки поддержанными японскими автомобилями, корейской бытовой техникой и стройматериалами, китайским ширпотребом, внося поправки в сложившиеся к тому времени образы соседних государств. Одновременно соседние страны Азии стали для дальневосточников самыми доступными в географическом и финансовом отношениях для реализации их гуманитарных потребностей, что обусловило рост познавательного туризма, прежде всего в Китай².

² Например, за 2015–2016 гг. из Приморского края в Китай в общей сложности выезжали около 1,1 млн россиян, в Южную Корею – 230 тыс., в Японию – 42 тыс. чел. [Сведения]. Из Хабаровского края в 2016 г. в КНР выезжали 58,2 тыс. чел., Республику Корея посетили 7,3 тыс. туристов, Японию – 3,4 тыс. [Развитие туристских связей Хабаровского края].

Третий – осознание и интерпретация угроз личной и национальной безопасности. Частично эти угрозы являются элементом бытового сознания, питаемого исторической памятью, но в большей степени формулируются официальной пропагандой и средствами массовой информации.

Наконец, играют свою роль эмоциональные последствия прямого межличностного взаимодействия с представителями восточноазиатских культур. Богатый опыт общения с ними как на собственной, так и на чужой территории³ позволяет жителям региона формировать свои представления о государствах Восточной Азии, не столь зависимые от позиции СМИ, как на большей части остальной России.

Основой для статьи стали результаты социологических опросов, которые с середины 90-х годов XX в. на территории ДФО проводит Лаборатория изучения общественного мнения (ЛИОМ) ИИАЭ ДВО РАН. Опросы проводились методом случайной выборки практически во всех субъектах округа за исключением Республики Саха – Якутии и Чукотки, а число респондентов колебалось от 600 до 1 145 чел., что позволяет оценивать как константы, так и переменные, как общие, так и частные моменты в восприятии жителями региона соседних стран Азии.

Специальных исследований на эту тему ни в России, ни за рубежом не проводилось. На рубеже XX–XXI вв. взгляды дальневосточников на Китай в той или иной степени рассматривались в работах московских [Ларин], приамурских [Понкротова, Забияко, Кобызов] и американских [Alexseev, Hofstetter] ученых, посвященных проблемам китайской миграции. Однако в последнее десятилетие эта тема, перестав быть актуальной для региона и России в целом, выпала из политического и научного дискурса. В немногочисленных исследованиях, посвященных образу Японии в России [Куланов; Чугров, 2016], его интерпретация населением указанной территории никак не представлена. Некоторый свет на взгляды дальневосточников о странах Восточной Азии проливают опросы российских [Дружественные и недружественные страны; О России] и зарубежных исследовательских центров [China's Economic Growth Mostly], но они дают лишь общую картинку, подводя к выводу, что более половины россиян считает Китай «дружественным России государством», а Япония и обе Кореи находятся где-то на задворках их сознания.

Анализируя основные элементы представлений, можно прийти к пониманию причин устойчивости и изменчивости существующих образов и к выводу о возможности и необходимости использовать

³ В 2019 г. только Приморский край, прежде всего Владивосток (население 600 тыс. чел.), посетили более 456 тыс. китайских, около 300 тыс. корейских и 34 тыс. японских туристов [Поток иностранных туристов вырос в Приморье].

позитивный потенциал общественного сознания жителей региона для налаживания более эффективного взаимодействия Российского государства с восточноазиатским миром.

Историческая память

Эта фундаментальная основа современных представлений дальневосточников о своих азиатских соседях изучена недостаточно. Образы загадочного Китая, утонченной Японии и угнетенной Кореи, сформировавшиеся полтора столетия назад, не исчезли бесследно. Так же обстоит дело и с непростой историей овладения Россией Приамурьем и пограничного размежевания с Китаем, с которой детально знакома мизерная часть жителей региона, но которая заставляет их с подозрением относиться к своему памятливому соседу. Хотя официально вопрос о границе закрыт⁴, но события 1969 г. на острове Даманский и ожесточенная идеологическая полемика 1970-х гг. еще свежи в памяти, и немалая часть дальневосточников не верит, что Пекин отказался от планов вернуть себе утраченные в XIX столетии территории. Подливают масла в огонь китайские туристы и блогеры, чьи периодические высказывания об исторической принадлежности Хайшэнвэя (Владивостока), Боли (Хабаровска) или «Великого северного моря» (Байкала) охотно тиражируют российские СМИ.

Отсутствие прочных исторических знаний накладывает отпечаток и на восприятие Японии. Исследование, посвященное памяти приморцев о Великой Отечественной войне, выявило отсутствие у большей части респондентов как твердых знаний о событиях заключительного этапа войны на Тихом океане, так и представлений об исторических основах современных российско-японских отношений. Только 30 % респондентов увязали с войной существование территориального спора с Японией, а 9 % вспомнили об отсутствии мирного договора между двумя странами. Менее 60 % знают, что Советская армия освобождала Маньчжурию, а среди школьников таковых оказалось только 42 % [Ларина, Томашук, с. 155–156].

Экономические и гуманитарные мотивы

Однако те же люди, что опасаются реанимации территориальных претензий Китая, полагают, что из всех близких и дальних партнеров России именно КНР более всего заинтересована в развитии Дальнего Востока и интеграции России в АТР. На Китай указали в ходе опроса 2014 г. 78 % респондентов во Владивостоке и Хабаровске, в то время как на Южную Корею – 52 %, а на Японию – 30 %. Именно в Китае

⁴ Нерушимость границы зафиксирована в ст. 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г. [Договор].

значительная часть дальневосточников видит сегодня главного экономического партнера Тихоокеанской России. В разные годы на него делали ставку от 48 до 73 % опрошенных. В Японию верили от 35 до 52 %, в Южную Корею – от 24 до 49 % из них (рис. 1). Доля сторонников взаимодействия с далекими от региона Австралией, США и Западной Европой с трудом поднималась выше отметки в 10 %, со странами СНГ – не превышала (за исключением 2013 г.) 20 %.

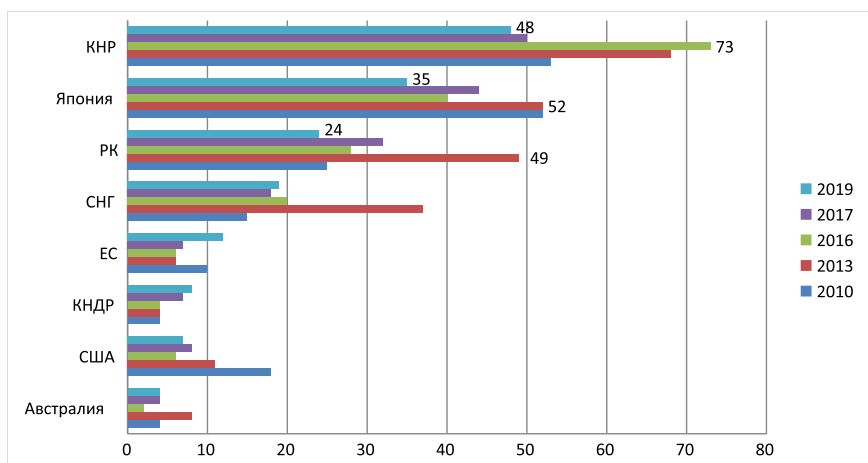

Рис. 1. Страны, приоритетные для экономического сотрудничества (ДФО, % от числа опрошенных)⁵

Этот противоречивый выбор продиктован реалиями жизни. В последние три десятилетия на долю КНР, Японии и Южной Кореи стабильно приходилось более 70 % внешнеэкономического оборота региона, обеспечивавшего ему товары, рынки сбыта, рабочие места. Но именно китайские товары неизменно доминировали на потребительском рынке, а на китайские инвестиции возлагались главные надежды. Китайское направление считали приоритетным на большинстве территорий ДФО. Исключение составили Сахалин, чьи исторические, административно-политические и экономические связи с Японией заметно прочнее, чем с Китаем, и Камчатка⁶.

При этом к концу десятилетия надежды дальневосточников на широкое взаимодействие с соседями как один из источников экономического процветания региона ослабели. Сыграли роль

⁵ Все иллюстративные материалы статьи сост. по: [Материалы опросов населения Дальневосточного федерального округа].

⁶ В 2016 г. во внешнеторговом обороте Сахалинской области на Японию приходилось 39,3, на Южную Корею – 35,7, а на Китай – только 9,3 %. В экспорте Камчатки Япония находилась только на третьем месте (20 % экспорта), уступая Южной Корее (43 %) и Китаю (36 %). В импорте края доминировали южнокорейские товары – 31 % от объема. Подсчитано на основе: [Дальневосточное таможенное управление]. Так что выбор камчадалов структура внешнеторговых связей края не объясняет.

как попытки российского правительства самостоятельно решить проблемы региона через внедрение новых механизмов развития (ТОРы, свободный порт Владивосток и др.), так и резкое снижение объема экономических связей ДФО с этими странами (рис. 2).

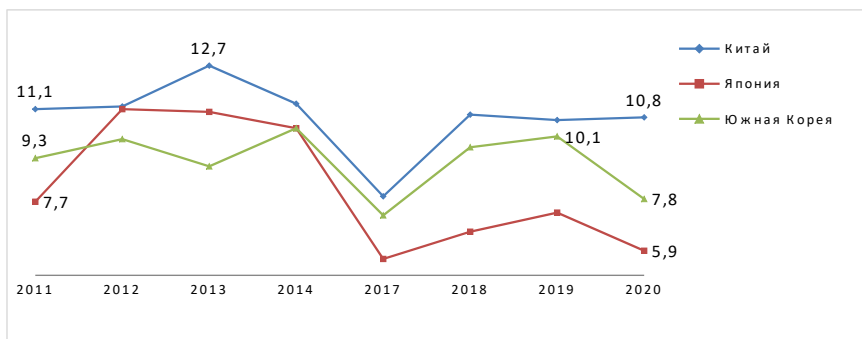

Рис. 2. Объемы торговли ДФО с Китаем, Японией и Южной Кореей (в млрд долл.)

Свою роль в этом сыграло и то, что, ратуя за развитие экономических связей с Китаем, воспринимая его как *важного экономического партнера* (51 % во Владивостоке, 2021 г.), две трети жителей региона лично не ощущали никакой пользы от сотрудничества с ним. В 2019 г. такую выгоду увидели по 37 % респондентов – камчадалов и сахалинцев, 36 % жителей Владивостока, 30 % жителей Магадана, 29 % – Читы, и только 27 % – приграничного Дальнереченска (Приморский край).

Понимание респондентами экономической значимости Китая для жизни собственных территорий не обеспечивало ему особых симпатий. В группе стран, образы которых по разным причинам сформировались и стабильно присутствуют в сознании дальневосточников, КНР вместе с Южной Кореей прочно занимала позицию «середняка», заметно уступая постоянному лидеру – Японии, а также Австралии и другим странам европейской культуры (табл. 1). Основой кратковременного роста популярности КНР в 2016–2017 гг. (второе-третье места в рейтинге симпатий) стал благоприятный информационный фон: в условиях нараставшей конфронтации с Западом общественное сознание России все более лояльно оценивало попытки Москвы наладить отношения с Востоком [Калачинский], СМИ активно обсуждали интеграционные проекты Си Цзиньпина и перспективы «нового этапа» российско-китайских отношений.

Таблица 1

Симпатии дальневосточников к зарубежным государствам (место в рейтинге и % от числа опрошенных, возможны не более трех ответов)

Страны	2010	2016	2017	2019
Япония	1	1	1	1
	40	33	37	36
Австралия	2	3–4	2–3	2
	34	24	26	26
Франция	3	5	4	5
	31	21	19	20
Германия	4	7	7	4
	26	19	17	21
Канада	5	6	5–6	3
	25	20	18	25
КНР	6	2	2–3	6
	16	25	26	19
Южная Корея	7	3–4	5–6	7
	15	24	18	18
Индия	9	8–9	8	9
	8	11	13	11
США	8	8–9	9	8
	13	11	10	15
КНДР	10	10	10	10
	2	4	5	4

Важно отметить, что на сегодняшний день Китай является единственной страной, представления о которой многие жители региона формируют или корректируют на основе собственного опыта. В 2019 г. тремя главными источниками информации о Китае респонденты назвали собственные поездки в эту страну (50 % респондентов), Интернет (45 %) и общение с китайцами в России (37 %). Как показывают результаты опросов, семь из десяти взрослых жителей Дальнего Востока хотя бы раз в жизни посетили КНР. Этот показатель для других стран много ниже: ни разу в жизни не были в Южной Корее 51 % жителей Владивостока и 64 % жителей Хабаровска, в Японии – 55 и 68 % соответственно (2016 г.). Это обстоятельство напрямую влияет на формирование образа страны, уменьшая, но не исключая зависимость от иных источников информации, в частности, от СМИ, и сказываясь на глубине и характере получаемых страноведческих знаний. О других странах дальневосточники судят прежде всего на основе информации, полученной из Интернета, СМИ

и других вторичных источников. Поэтому, выражая симпатии той же Австралии, многие видят перед собой не страну, а идиллическую картинку, которая сложилась в их сознании от просмотра популярных художественных фильмов вроде «Крокодила Данди»⁷.

Главными драйверами интереса у 70 % жителей Владивостока, которые в ходе опроса 2021 г. признались в своих симпатиях к Китаю и Японии, являются высокий уровень экономического развития и уникальность культуры этих государств. Но если китайскую экономику они воспринимают прагматично («важный партнер»), то японскую – лишь как факт, заслуживающий уважения: для 49 % респондентов Япония – это *высокоразвитая экономическая и технологическая держава*. В Японии респондентов привлекают прежде всего культура как таковая (61 %), высокие технологии (50 %), природа (48 %), кухня (41 %) и история (37 %). К таким конкретным проявлениям культуры, как литература, театр, музыка, религия, проявили интерес менее 5 % респондентов.

Что касается Южной Кореи, то почти 42 % опрошенных не смогли вычленить ее главную характеристику. Но при этом главным мотивом для тех, кто симпатизирует Южной Корее, являются качество и комфортность жизни в ней (73 %) и уровень ее экономического развития (54 %). На этой же платформе основываются симпатии к США, Австралии и Канаде. Политический фактор имеет некоторое значение, но при этом американская, японская и южнокорейская демократия, как и китайский социализм, привлекают не более чем каждого десятого дальневосточника. Результаты опросов прошлых лет эти выводы полностью подтверждают (табл. 2).

Таблица 2

Основания для симпатий к странам-соседям (Владивосток, место в ряду причин симпатий и % от числа опрошенных)

Показатель	Япония			Южная Корея			КНР		
	2013	2017	2019	2013	2017	2019	2013	2017	2019
Уровень экономического развития	1–2	2	1	1	1	1	1	2	2
	50	43	45	28	21	22	31	23	17
Культурные традиции	1–2	1	2	2	2	3	2	1	1
	50	4	8	22	19	15	23	35	25
Дружелюбие и гостеприимство народа	3	3	3	3–4	3	2	3–5	3	3
	25	21	25	10	16	16	13	19	11

⁷ В 2012 г. ЛИОМ провела экспресс-опрос молодежи в г. Владивостоке, посвященный Австралии. В ходе него выяснилось, что само название страны вызывало у большинства респондентов только положительные реакции, но при этом только 44 % смогли назвать столицу Австралии, а фамилию ее действующего премьер-министра вспомнили только 8 % [Стратегические интересы, с. 12–13].

Окончание табл. 2

Показатель	Япония			Южная Корея			КНР		
	2013	2017	2019	2013	2017	2019	2013	2017	2019
Природное разнообразие	4	4	4	5	4	4	3–5	5	5
	12	15	11	9	8	7	13	10	8
Общественно-политический строй	6	5	6	3–4	6	5	3–5	4	4
	7	11	5	10	4	6	13	12	9
Необъяснимые симпатии	5	6	5	6	5	6	7	7	7
	8	10	7	4	6	5	2	5	2
Военно-политическая мощь	7	7	7	7	7	7	6	6	6
	1	4	3	3	1	2	4	8	4

Еще одним элементом, из которых складывается образ государств Тихоокеанской Азии в сознании дальневосточников, является видение ими характера отношений России с той или иной страной. Большинство респондентов стабильно видели эти отношения в позитивном свете (рис. 3). Очень незначительная часть опрошенных (не более 5 %) оценивала отношения России с Китаем и Южной Кореей негативно, а небольшой рост скептицизма в оценке российско-японских отношений укладывается в рамки статистической погрешности. Это особенно заметно на фоне восприятия российско-американских отношений.

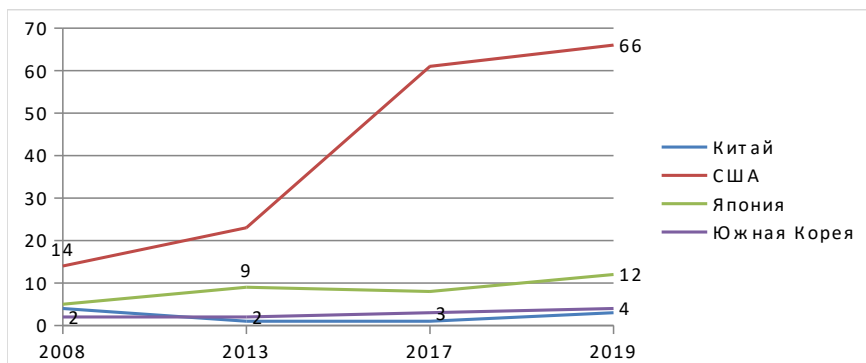

Рис. 3. Доля респондентов, считавших отношения России со странами региона плохими (ДФО, % от числа опрошенных)

Таким образом, набор элементов, которые формируют позитивную составляющую образа соседних государств – общие представления о стране, оценка двусторонних отношений, экономический и познавательный интерес, – доминирует, и он весьма стабилен. Однако наряду с позитивными факторами существуют и негативные, которые порождают у людей неуверенность и тревогу.

Угрозы с Востока

Тихоокеанская Россия осваивалась русскими, формировалась и развивалась под дамокловым мечом внешней угрозы, так что задачи обеспечения безопасности границ и самого существования региона как части единого государства всегда стояли в центре политики российского и советского правительства на Тихом океане. Эти угрозы всегда ассоциировались с политикой соседних государств.

Современные угрозы безопасности и интересам России на Тихом океане четко идентифицированы и также соотносятся с конкретными государствами. И хотя все они, за исключением демографической («рост численности китайских мигрантов»), не являются прямыми, опросы второго десятилетия XXI в. регулярно фиксировали очень высокий уровень тревожности населения (рис. 4). Не более 3 % респондентов полагали, что никаких угроз с Востока интересам и безопасности России и ее дальневосточным территориям не существует. Свою роль в поддержании тревожности играли «страшилки» СМИ о китайской демографической и экономической экспансии, информационная война Москвы и Вашингтона, активность Токио по поводу Южно-Курильских островов, периодическое обострение ситуации на Корейском полуострове.

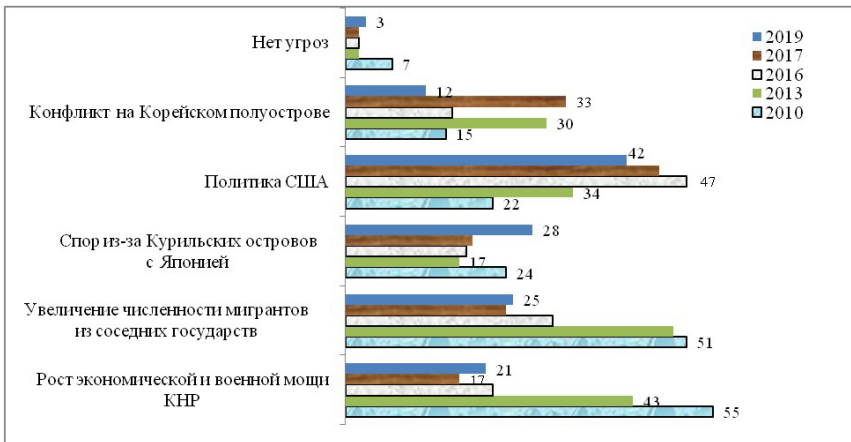

Рис. 4. Главные угрозы безопасности России и ее дальневосточным территориям на Тихом океане (2010–2019 гг., не более трех ответов, % от числа опрошенных)

Оценка остроты тех или иных угроз со временем менялась. Снижение количества китайских трудовых мигрантов в России и позитивное представление в официальной пропаганде российско-китайского военно-политического взаимодействия заметно снизили страх перед зарубежной миграцией и амбициями Пекина.

Хотя и сегодня в посягательстве на территориальную целостность России Китай подозревают более половины респондентов Читы, Благовещенска, Хабаровска и Биробиджана и немногим менее половины жителей Владивостока и Улан-Удэ. Треть респондентов убеждена, что Китай угрожает экономическому развитию России, а каждый десятый – ее независимости и суверенитету. При этом на приграничных с ним территориях процент уверенных в существовании такой угрозы выше, чем на отдаленных от него (53 против 46 %) [Ларин, Ларина, с. 34].

Оценка остроты угроз, исходящих с Корейского полуострова, и претензий Японии на Курильские острова зависела как от политической ситуации, так и от территории опроса: во Владивостоке ядерные амбиции Пхеньяна воспринимались значительно острее, чем в Магадане; на Сахалине требования Японии вызывали куда более жесткую реакцию, чем в Биробиджане. Но при этом все четыре граничащих с ДФО государства стабильно воспринимались как источники угроз безопасности России (рис. 5).

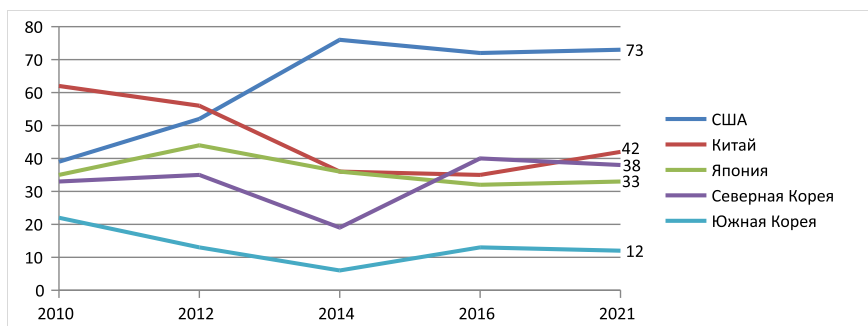

Рис. 5. Положительные ответы на вопрос «Угрожают ли интересам и безопасности Тихоокеанской России указанные страны?» (Владивосток, % от числа опрошенных)

Восприятие того или иного государства как угрозы напрямую влияет на такое чувство во внешнеполитическом менталитете дальневосточников, как доверие или недоверие к нему⁸, хотя немногочисленные исследователи этого феномена отмечают, что в его основе лежат разнообразные экономические, политические, социальные и культурные факторы [Kleiner]. Поскольку критерии оценок степени доверия, которые применялись в анкетах разных лет, отличались, примем для рассмотрения лишь безапелляционные суждения респондентов (безусловное доверие или недоверие), оставляя «за скобками» тех, кто колеблется в принятии решения (табл. 3).

⁸ В современных практиках социологического исследования тема международного доверия (к другим государствам, их правительствам, институтам) представлена слабо, методики его изучения требуют серьезной проработки, см.: [Барановский].

Таблица 3

**Уровень безусловного доверия жителей Владивостока к странам мира
(% от числа опрошенных)**

Страна	Доверяют			Не доверяют			Разница		
	2013	2016	2021	2013	2016	2021	2013	2016	2021
Япония	24	14	13	14	12	11	+ 10	+ 2	+ 2
Южная Корея	25	21	7	9	6	10	+ 16	+ 15	- 3
Китай	16	16	6	17	7	12	- 1	+ 9	- 6
США	15	3	3	31	45	36	- 16	- 42	- 33

На примере опроса жителей Владивостока видны как невысокий уровень доверия дальневосточников к странам региона вообще, так и снижение их оптимизма в последние годы. Последний фактор обусловлен, как нам кажется, как обострением внешнеполитической обстановки вокруг России, так и общим падением уровня доверия россиян к государственным институтам и средствам массовой информации [Галимова, Гордеев]. Даже симпатичной Японии безусловно верят только 13 % горожан. Подавляющее большинство жителей Владивостока не могут сформировать однозначного мнения даже в отношении откровенно враждебных к России США, не говоря уже о «дружественном» Китае и нейтральной Южной Корее.

Итак, каким «резервом» в лице общественного мнения Тихоокеанской России располагают, с одной стороны, российская власть, а, с другой, страны-соседи России на Востоке для дальнейшего развития межгосударственных, приграничных и межрегиональных связей?

В целом восток России относится к окружающему его конфуцианско-буддийскому миру достаточно благосклонно, с симпатией, вниманием и интересом, хотя не очень хорошо его понимает и не слишком ему доверяет. Однако экономические потребности, культурно-познавательный интерес и реалии повседневности отодвигают на задворки сознания те раздражители, которые проецируются историей двусторонних отношений и современной политикой. Как и прежде, восхищение Японией не мешает дальневосточникам занимать принципиальную позицию по Курильскому вопросу и выражать опасение перед китайской экспансией – делать ставку на углубление экономических связей с КНР, а в условиях напряженности на Корейском полуострове симпатизировать обеим сторонам конфликта. Тихоокеанская Россия действительно может быть той самой платформой культурно-цивилизационного взаимодействия России с Восточной Азией, без существования которой все разговоры о ее экономической интеграции в этот регион останутся пустым звуком.

Список литературы

Барановский М. В. Современные практики методологического изучения феномена доверия // *Власть*. 2019. № 2. С. 183–190. DOI 10.31171/vlast.v27i2.6349.

Галимова Н., Гордеев В. За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61 % россиян // РБК : [сайт]. 2020. 26 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5e9cf7b9a794728f8f0f327> (дата обращения: 14.01.2022).

Дальневосточное таможенное управление. Таможенная статистика // Дальневосточное таможенное управление : [официальный сайт]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (дата обращения: 05.01.2022).

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 14.01.2022).

Дружественные и недружественные страны // Фонд «Общественное мнение» : [официальный сайт]. URL: <https://fom.ru/Mir/14201> (дата обращения: 12.08.2020).

Калачинский А. В. «Поворот России на Восток»: пресса и формирование общественного мнения о взаимоотношениях России и Китая // *Россия и АТР*. 2015. № 3. С. 127–140.

Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 4. С. 116–125.

Куланов А. Е. Образ Японии в современной России: стереотипы и реалии // *Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии*. М. : АИРО – XX, 2004. С. 55–73.

Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М. : Восток, 2009. 512 с.

Ларин В. Л., Ларина Л. Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срезы последних лет // *Россия и АТР*. 2020. № 4. С. 15–45. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10045.

Ларина Л. Л., Томашук С. М. Великая Отечественная война в памяти жителей Приморского края (по результатам социологического опроса 2020 г.) // *Россия и АТР*. 2020. № 4. С. 145–160. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10056.

Материалы опросов населения Дальневосточного федерального округа // Текущий архив Лаборатории изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

О России и странах мира // Фонд «Общественное мнение» : [официальный сайт]. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (дата обращения: 14.02.2022).

Понкратова Л. А., Забияко А. П., Кобызов Р. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2009. 412 с.

Поток иностранных туристов вырос в Приморье // *Восток России* : информ.-аналитич. аг-во : [официальный сайт]. 2020. 17 янв. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/potokinostrannykh-turistov-vyros-v-primore/> (дата обращения: 18.01.2020).

Развитие туристских связей Хабаровского края с зарубежными странами в 2016 году // Туристический портал Хабаровского края. URL: <http://www.travel.khv.ru/pages/171> (дата обращения: 10.01.2022).

Сведения о количестве жителей Приморского края, выехавших за границу за 2016 год, в сравнении с 2015 годом // Правительство Приморского края : [официальный сайт]. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism-pk/planu-i-otchety-departamenta.php> (дата обращения: 02.09.2019).

Стратегические интересы и политика России и Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (по материалам круглого стола) // *У карты Тихого океана*. 2012. № 24. 36 с.

Чугров С. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // *Полис. Политические исследования*. 2007. № 4. С. 46–65.

Чугров С. В. Образ России в Японии и образ Японии в России : рабочая тетрадь 33/2016. М. : НИИ РСМД, 2016. 64 с.

Alexseev M. A., Hofstetter R. Russia, China, and the Immigration Security Dilemma // *Political Science Quarterly*. 2006. № 1. P. 1–32.

Bryce J. *The American Commonwealth* : 4 vols. N. Y. : Macmillan and Co., 1889. Vol. 2. 760 p.

China's Economic Growth Mostly Welcomed in Emerging Markets, but Neighbors Wary of Its Influence // Pew Research Center : [website]. URL: <http://www.pewresearch.org> (accessed: 20.07.2020).

Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1976. 445 p.

Kleiner T.-M. Why We Trust Other Nations: The Role of Cultural Values and Corruption in Generating Transnational Trust // *Comparative Sociology*. 2016. № 15 (1). P. 85–111. DOI 10.1163/15691330-12341375.

References

Alexseev, M. A., Hofstetter, R. (2006). Russia, China, and the Immigration Security Dilemma. In *Political Science Quarterly*. No. 1, pp. 1–32.

Baranovskii, M. V. (2019). Sovremennye praktiki metodologicheskogo izucheniya fenomena doveriya [Modern Practices of Methodological Research of the Phenomenon of Trust]. In *Vlast'*. No. 2, pp. 183–190. DOI 10.31171/vlast.v27i2.6349.

Bryce, J. (1889). *The American Commonwealth. 4 vols.* N. Y., Macmillan and Co. Vol. 2. 760 p.

China's Economic Growth Mostly Welcomed in Emerging Markets, but Neighbors Wary of Its Influence. (N. d.). In *Pew Research Center* [website]. URL: <http://www.pewresearch.org> (accessed: 20.07.2020).

Chugrov, S. (2007). Ponyatie vneshnepoliticheskogo mentaliteta i metodologiya ego izucheniya [The Concept of Foreign Policy Mentality and the Methodology of its Studying]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 46–65.

Chugrov, S. V. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii. Rabochaya tetrad' 33/2016* [The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia. Workbook 33/2016]. Moscow, Nekommercheskoe partnerstvo “Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam”. 64 p.

Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie. Tamozhennaya statistika [Far Eastern Customs Administration. Customs Statistics]. (N. d.). In *Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie* [official website]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (accessed: 05.01.2022).

Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i Kitaiskoi Narodnoi Respublikoi [Treaty of Good Neighborliness, Friendship, and Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China]. (N. d.). In *President Rossii* [official website]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (accessed: 14.01.2022).

Druzhestvennye i nedruzhestvennye strany [Friendly and Unfriendly Countries]. (N. d.). In *Fond “Obshchestvennoe mnenie”* [official website]. URL: <https://fom.ru/Mir/14201> (accessed: 12.08.2020).

Galimova, N., Gordeev, V. (2020). Za vremya pandemii uroven' doveriya k gosudarstvu upal u 61 % rossiyan [During the Pandemic, the Level of Trust in the State Fell Among 61 Percent of Russians]. In *RBK* [website]. May 26. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327> (accessed: 14.01.2022).

Jervis, R. (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, Princeton Univ. Press. 445 p.

Kalachinskii, A. V. (2015). “Povorot Rossii na Vostok”: pressa i formirovanie obshchestvennogo mneniya o vzaimootnosheniyakh Rossii i Kitaya [“Russia's Turn to the East”: The Press and the Formation of Public Opinion on the Relationship between Russia and China]. In *Rossiia i ATR*. No. 3, pp. 127–140.

Kiselev, I. Yu., Smirnova, A. G. (2004). Obraz gosudarstva kak faktor prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii [The Image of the State as a Factor in Making Foreign Policy Decisions]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 116–125.

Kleiner, T.-M. (2016). Why We Trust Other Nations: The Role of Cultural Values and Corruption in Generating Transnational Trust. In *Comparative Sociology*. No. 15 (1), pp. 85–111. DOI 10.1163/15691330-12341375.

Kulanov, A. E. (2004). Obraz Yaponii v segodnyashnei Rossii: stereotypy i realii [The Image of Japan in Today's Russia: Stereotypes and Realities]. In *Rossiya i Yaponiya: sosedi v novom tysyacheletii*. Moscow, AIRO – XX, pp. 55–73.

Larin, A. G. (2009). *Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [The Chinese Migrants in Russia. History and Modernity]. Moscow, Vostochnaya kniga. 512 p.

Larin, V. L., Larina, L. L. (2020). Menyayushchiesya obrazy Vostochnoi Azii v soznanii zhitelei Tikhookeanskoi Rossii: srezy poslednikh let [Changing Images of East Asia in the Minds of the Inhabitants of Pacific Russia: Features of Recent Years]. In *Rossiya i ATR*, No. 4, pp. 15–45. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10045.

Larina, L. L., Tomashuk, S. M. (2020). Velikaya Otechestvennaya voina v pamyati zhitelei Primorskogo kraja (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa 2020 g.) [The Great Patriotic War in the Memory of the Residents of Primorye Region (Based on the Results of the Sociological Survey in 2020)]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 145–160. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10056.

Materialy oprosov naseleniya Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Materials of Surveys of the Population of Far Eastern Federal District]. (N. d.). In *Tekushchii arkhiv Laboratorii izucheniya obshchestvennogo mneniya Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN*.

O Rossii i stranakh mira [About Russia and the Countries of the World]. (N. d.). In *Fond "Obshchestvennoe mnenie"* [official website]. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (accessed: 14.02.2022).

Ponkratova, L. A., Zabiako, A. P., Kobyzov, R. A. (2009). *Russkie i kitaitsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and the Chinese: Ethno-Migration Processes in the Far East]. Blagoveshchensk, Amurskii gosudarstvennyi universitet. 412 p.

Potok inostrannykh turistov vyros v Primor'e [The Flow of Foreign Tourists Has Grown in Primorye]. (2020). In *Vostok Rossii. Informationno-analiticheskoe agentstvo* [website]. Jan. 17. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/potok-inostrannykh-turistov-vyros-v-primore/> (accessed: 18.01.2020).

Razvitie turistskikh svyazei Khabarovskogo kraja s zarubezhnymi stranami v 2016 godu [Development of Tourist Relations of Khabarovsk Krai with Foreign Countries in 2016]. (N. d.). In *Turisticheskii portal Khabarovskogo kraja*. URL: <http://www.travel.khv.ru/pages/171> (accessed: 10.01.2022).

Strategicheskie interesy i politika Rossii i Avstralii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (po materialam kruglogo stola) [Russia's and Australia's Strategic Interests and Policies in the Asia-Pacific Region (Based on Workshop Materials)]. (2012). In *U karty Tikhogo okeana*. No. 24. 36 p.

Svedeniya o kolichestve zhitelei Primorskogo kraja, vyekhavshikh za granitsu za 2016 god, v sravnenii s 2015 godom [Information on the Number of Residents of Primorsky Krai Who Went abroad in 2016 as Compared to 2015]. (N. d.). In *Pravitel'stvo Primorskogo kraja* [official website]. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism-pk/plany-i-otchety-departamenta.php> (accessed: 02.09.2019).

The article was submitted on 23.01.2022